

ВЪ МАКЕДОНИИ.

B.P. WAKEDOHIN

Въ Македонію...

I.

Въ Македонію!.. Словно въ средневѣковье, какіе-то новые крестовые походы... Именно крестовые.

Что же тянетъ людей въ далекую, суровую, смертоносную Македонію?

Любовь къ далекому, таинственному? О, быть можетъ, да, но въ самой незначительной мѣрѣ. Хотя, надо признаться, пятнадцать мѣсяцевъ войны во многомъ переродили психологію человѣческихъ массъ. Страхъ смерти, страхъ неудобствъ, страхъ передъ новизной положенія исчезъ. Человѣкъ сталъ смѣлѣе, и его тянетъ ко всему новому и яркому, особенно послѣ годового сидѣнія въ траншеяхъ.

Но не эта жажда новизны играетъ главную роль въ настроеніи людей, идущихъ въ Македонію, а нѣчто другое,—возвышенное и свѣтлое.

Есть два магическихъ слова во Франціи, это—Бельгія и Сербія... Французъ гордъ, французъ любитъ все гордое, все смѣлое. Красивый жестъ онъ обожаетъ. Геройскій подвигъ—его идеаль, его культъ... И безконечная красота самопожертвованія маленькой Сербіи, которая предпочла погибнуть, но не согнуться передъ могущественными полчищами австро-германо-турко-болгаръ, подняла во французской душѣ отвѣтный ураганъ восхищенія и самопожертвованія...

Да, самопожертвованія. Тотъ, кто знаетъ француза съ его привязанностью къ *родной* землѣ, къ *своему* очагу, къ *своей* прекрасной Франціи, только тотъ можетъ оцѣнить радость, съ которой французы идутъ на помощь Сербіи.

Пусть отрядъ этотъ можетъ не вернуться, но Сербія не покинута, но то, что выше жизни,—честь,—спасено!.. И съ этимъ сознаніемъ французскій солдатъ легко и бодро, больше того: радостно, щель въ чуждую и далекую ему страну. Чуждую и далекую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близкую, потому, что это—Сербія, маленькая, геройская страна, которая останется въ исторіи человѣческой доблести....

Въ Македонію... Завтра зашумитъ поѣздъ и понесетъ насъ къ теплому южному морю. Загудитъ пароходъ, и мы пойдемъ волшебными путями въ страну печали и смерти, въ страну новыхъ крестовыхъ походовъ.

И передо мной рядомъ съ изнемогающей Сербіей встаетъ Болгарія. Не одна, а двѣ Болгаріи.

Я ихъ видѣлъ обѣ, здѣсь во Франціи. Мнѣ кажется, что я ихъ видѣлъ.

На меня смотритъ круглое, мужественное, типичное болгарское лицо. Полное отваги и огня. Спокойная храбрость въ глазахъ. Непоклонная воля. Онъ молодъ, но уже успѣлъ многое пережить. Учился въ Россіи въ кадетскомъ корпусѣ. Потомъ—въ Софіи, въ военномъ училищѣ. Потомъ дрался въ македонскихъ четахъ за освобожденіе Македоніи. А потомъ... сидѣлъ въ русской тюрьмѣ вмѣстѣ съ товарищами-русскими. Война застала его въ Бельгіи.

«Посмотрѣлъ я на себя, — молодой, здоровый, сильный, и стыдно мнѣ стало». Онъ собираетъ группу добровольцевъ, ускользаетъ съ ней изъ Брюсселя и въ Парижѣ вступаетъ въ русскій эмигрантскій отрядъ. Бьетъ

ся храбро. Начальство въ восторгѣ, отличаетъ и про-изводитъ его. И все мечтаетъ, что его страна, его Болгарія, встанетъ за правое дѣло противъ Германіи.

Не знаю, живъ ли этотъ доблестный юноша, гдѣ онъ, что съ нимъ и какъ страдаетъ, какъ болитъ его мужественное сердце, если онъ живъ, отъ стыда и обиды за свой народъ...

Видѣлъ я и вторую Болгарію. Перевели русскихъ волонтеровъ изъ легіона во французскіе полки, и остался нашъ болгаринъ одинъ. Просилъ, чтобы помочь и ему перебраться къ русскимъ товарищамъ. И вотъ, будучи въ Парижѣ въ отпуску, я стучался во всѣ двери въ надеждѣ устроить ему переводъ. Постучался и въ дверь болгарскаго военнаго атташе...

Было это въ моментъ, когда самая мысль о возможности болгарскаго нападенія не могла притти въ голову даже какъ дурной сонъ. Когда невозможнымъ казался ея нейтралитетъ и съ минуты на минуту ожидалось, что Болгарія рука объ руку пойдетъ съ нами... Такъ давно это было!

Засуетились въ посольствѣ. Быть можетъ, по телефону вызвать атташе? Онъ сейчасъ же придетъ. Море вѣжливости и предупредительности. Пришелъ, наконецъ, атташе. Высокій, стройный болгаринъ. Усадилъ въ кресло. И застылъ въ ожиданіи.

О, да какъ же злобно зажглись его маленькіе, узкіе глаза! Какая торжествующая улыбка заиграла на мгновеніе на его лицѣ и быстро ускользнула въ углы тонко очерченныхъ змѣиныхъ губъ.

— Есть законъ, есть и его послѣдствія. Я ничего не сдѣлаю для него. Онъ не спрашивался у меня передъ поступленіемъ, нечего теперь ко мнѣ обращаться.

Такъ приблизительно на отвратительномъ французскомъ языкѣ говорилъ команданъ.

И сколько разъ въ моменты моей самой глубокой

вѣры въ Болгарію на ряду съ милымъ лицомъ легіонера Тодорова передо мной вырисовывалась ехидная фізіономія атташе...

Пока побѣдилъ второй... Но такая ли это уже утопія, что нашъ крестовый походъ разобьетъ цѣпи, окутавшія народную Болгарію, и вырветъ братоубійственный мечъ изъ ея подневольныхъ рукъ?..

Въ Македонію!.. Въ страну печали и смерти, въ страну, куда зоветъ всѣхъ, въ комъ живо сердце, мученичество небольшого, стойкаго народа!

II.

Нашъ поѣздъ подходилъ къ Марсели. И вдругъ остановился. Вы знаете эти непредвидѣнныя остановки воинскихъ поѣздовъ... Стали допытываться: почему, зачѣмъ? Оказалось, должны пропустить какіе-то экспрессы. Солдатики повылѣзли изъ вагоновъ; появилась вода; кто принялся за умываніе, кто просто разминалъ затекшія отъ сидѣнья ноги.

Шипя подошелъ новый поѣздъ и построился вровень съ нами на третьемъ пути, оставивъ пару рельсовъ посрединѣ для привилегированныхъ экспрессовъ.

Изъ оконъ, изъ теплушекъ, повысунулись его пассажиры,—солдаты арміи Китченера.

— Вы куда?—на якобы французскомъ языкѣ прокричалъ высокій, красивый «Томми» одному изъ нашихъ конныхъ «африканскихъ егерей».

— Въ Сербію; а вы?

— Въ Сербію тоже...

Изъ всѣхъ оконъ полетѣли по нашему направленію пачки папиросъ, табаку, бисквиты и даже банки съ вареньемъ. «Томми» спѣшилъ подѣлиться съ «пуалю» всѣмъ избыткомъ своего несравненно поставленнаго продовольствія.

По свободному пути, оставленному для экспрессовъ, изъ обоихъ поѣздовъ засновали солдаты. Настоящее братанье.

Дежурный офицеръ разрывался, загоня солдатъ въ вагоны. Напрасныя усилія. Изъ противоположнаго нашему купѣ окошка высунулась физіономія рыжаго англійскаго офицера. Онъ чистилъ щеткой зубы и безстрастно взиралъ на картину.

Я объяснилъ ему, что сейчасъ пронесутся экспрессы. Англичанинъ вынулъ щетку изо рта и прокричалъ что-то въ обѣ стороны. Черезъ минуту на пути не осталось ни одного «Томми», и только наши «пуалю» неохотно и медленно влѣзали въ вагоны.

Однако у этихъ волонтеровъ дисциплина!

Съ громомъ и свистомъ промелькнули экспрессы. Медленно тронулся англійскій поѣздъ. Изъ теплушекъ полилась пѣсня: «Томми» съ аккомпанементомъ мандолинъ стройно пѣли «Марсельезу».

— Типерари, Типерари!—кричали французы.

Заиграла гармоника, и понеслись медленные строфы: «Дологъ путь до Типерари»...

Разомъ подхватилъ пѣсню французскій поѣздъ, замелькали платки, каскетки и каски. Оба поѣзда пѣли.

— До свиданья, въ Сербіи увидимся!

Вотъ мы и на перекресткѣ. Какъ иначе назвать шумную, веселую, блестящую на южномъ солнцѣ Марсель? Во всѣ вѣка она была перекресткомъ для народовъ, шедшихъ моремъ въ Европу или пускавшихся изъ нея по бѣлу свѣту искать счастья.

Теперь же это—не просто перекрестокъ, а военный перекрестокъ. Сколько армейскихъ волнъ пронеслось черезъ него. Сначала шли на «западный фронтъ» войска Африки. Спаисы, сенегальцы, «африканскіе егеря», арабскіе стрѣлки, зуавы, марокканцы... Потомъ набѣжала англійская цвѣтная волна: индусы, гурка, египетскія

войска, канадцы. Затѣмъ начался отливъ. Сперва въ Дарданеллы, а теперь въ Македонію. День и ночь безконечнымъ потокомъ льется человѣческое море.

Англичане, французы, всѣ роды оружія, всѣ формы... Громадные транспорты, конвоируемые миноносцами, переносить ихъ въ Салоники. И Марсель гремитъ, шумитъ, работаетъ, дѣлаетъ золотыя дѣла.

Съ фантастической быстротой возникаютъ состоянія. На всѣхъ языкахъ міра льется по улицамъ рѣчь. Снуютъ интернаціональные типы, сумасшедшимъ богатствомъ блещутъ магазины, и отъ веселой толпы ломаются кафэ, мюзикъ-холлы и рестораны...

Война повернулась къ Марсели счастливой стороной. Фронтъ далеко, солнце свѣтитъ, море плещетъ, и золото само бѣжитъ въ руки. Только раскрывай шире карманы... Только не зѣвай.

Въ порту—работа. Оборванные негры, испанцы, румыны, итальянцы, алжирцы, тунисцы въ фескахъ и еще не знаю кто,—голь, собравшаяся со всего міра,—грузить пароходы, гомонить на какомъ-то странномъ международномъ нарѣчій. Громяхаютъ тяжелыя телѣги, автобусы; куда-то ведутъ лошадей индусы въ тюрбанахъ цвѣта... хаки; ревутъ мулы, свистятъ пароходы, ругается небольшой сержантъ, цѣлуется матросъ съ черноглазой красоткой, и звонко-презвонко выкрикиваетъ свои газеты уличный мальчишка. Ну, и жизнь...

А съ Notre Dame de la Garde смотришь и не насмотришься на громадный городъ. Широкой подковой охватили его цѣпи Эстерель и уперлись въ море. Словно два часовыхъ передъ гаванью стали острова Фріуль, а между ними и городомъ—Chateau d'If, гдѣ когда-то томилась таинственная Желѣзная Маска и гдѣ засѣдалъ грозный революціонный трибуналъ...

Между подковообразной цѣпью и синимъ безграничнымъ моремъ раскинулась шумная Марсель. И, кажет-

ся, тѣсно ей въ этой естественной колыбели, какъ молодому богатырю въ люлькѣ.

Заснуло море подъ жаркими лучами ноябрьскаго солнца. И странно, что гдѣ-то падаетъ снѣгъ, льются дожди, гремятъ пушки и народы всѣхъ частей свѣта сшибаются въ кровавой схваткѣ.

Странно, но однако нашъ транспортъ ждетъ насъ. Ждетъ и напоминаетъ, что сейчасъ мы тронемся волшебнымъ моремъ въ страну, въ которой схватка эта достигла своего апогея.

До свиданья, прекрасная Франція, гдѣ такъ много было изжито за пятнадцать мѣсяцевъ боя, гдѣ осталось такъ много дорогого...

— Умереть за Сербію—лучшая смерть для солдата... — мурлычетъ кто-то изъ военныхъ нескладную импровизацію.

Ржутъ на палубѣ кони, поднимаются по трапу мои «африканцы». Еще полчаса, и мы пойдемъ мимо острововъ - часовыхъ.

Итакъ, до свиданья, а, можетъ быть, и прощай...

На палубѣ.

I.

Вотъ мы и въ пути. Погода намъ улыбается. Солнце, тепло; по морю бѣгутъ невысокіе барашки. Впереди снуетъ проворный контръ-миноносецъ. Онъ, какъ сторожевой песъ, рыщетъ, обыскиваетъ море, потому что въ его синихъ волнахъ плаваютъ, поджидая, подстерегая добычу, крупныя,—охъ, какія крупныя!—нѣмецкія акулы. Противъ нихъ у насъ на палубѣ установлены пулеметы и легкія орудія. Пусть только сунутся...

Тутъ же стоятъ наши кони. Они дружно жуютъ овесъ, не подозрѣвая, что находится позади ихъ круповъ. Мой «Сюркуфъ» суетъ мнѣ въ грудь свою умную морду и настойчиво требуетъ ласки. Его сосѣдь косится зоркимъ глазомъ и вѣрно думаетъ про себя: Ну, братъ, и нѣженка же ты!..

Ночью вдаль мелькнули островные огни. Побѣжали широкія полосы ослѣпительнаго свѣта, загорѣлись невѣдомыя скалы и исчезли. Снова прожекторъ швырнулъ снопъ лучей во всѣ стороны, освѣтилъ темную ночь и исчезъ въ ней...

На палубѣ собрались солдаты; они веселы, оживлены, шумятъ и любятъ волшебною далью.

Я смотрю на нихъ, и мнѣ хочется сказать о нихъ нѣсколько словъ,—нѣсколько словъ объ ихъ отличи-

тельныхъ чертахъ, подмѣченныхъ мною за пятнадцать мѣсяцевъ пребыванія во французской арміи.

Они всегда веселы. Французъ постоянно балагурить. Французъ — «благѣръ». «Blague» сопутствуетъ ему во всѣ моменты его жизни, даже наиболѣе трудные. Онъ подмѣчаетъ всѣ смѣшныя стороны явленія, изъ всего старается извлечь предлогъ для бодраго, веселаго смѣха. Въ плѣну хохочетъ,—и широкая фizioномія тяжело-вѣснаго надсмотрщика расплывается въ улыбку, зараженная шипучей непосредственностью «der Franzosen». Рвется рядомъ «чемоданъ»,—онъ и здѣсь отыскиваетъ что-то смѣшное и веселое. Въ результатѣ легко и просто принимаются и переносятся всѣ самыя трудныя положенія современной войны.

Французскій солдатъ гордъ и независимъ. Онъ и слыхомъ не слыхалъ, что военнoслужашаго можно ударить, какъ въ германской, на примѣръ, арміи. Равенство, царящее въ жизни Франціи, проникаетъ собою и армейскія отношенія. Въ гражданскомъ мірѣ всѣ для всѣхъ *messieurs et mesdames*, въ военномъ всѣ именуются просто и коротко по ихъ чинамъ, лишь съ прибавленіемъ ласковаго «мой»: «мой лейтенантъ», «мой полковникъ», «мой генераль». Всякій солдатъ говоритъ Жоффру: «мой генераль», и, увѣряю васъ, въ этомъ ласково-почтительномъ обращеніи содержится больше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ. Штатскій военный министръ именуется просто—господинъ министръ. Права солдата ограждены не только установившимся бытомъ, но и уставами. Онъ можетъ обратиться къ кому угодно, вплоть до министра,—никто не смѣетъ помѣшать ему въ этомъ, никто не можетъ потребовать отъ него изложенія причинъ такого обращенія.

Онъ независимъ и гордъ, потому что знаетъ, что служить Франціи, что защищаетъ самую свободную и независимую страну міра, потому что независимость проникаетъ собою всю жизнь его родины.

Равенство въ отношеніи проистекаетъ и отъ общаго уровня развитія солдатъ. Всѣ французы грамотны, всѣ читаютъ газеты. Наша садовница, старая, забитая работою женщина, зачастую рассказывала мнѣ самыя послѣднія новости и съ удивительной ясностью судила о запутанномъ положеніи на Балканахъ. Солдаты не только грамотны, но масса среди нихъ—со среднимъ и высшимъ образованіемъ, очень много богатыхъ. Всѣ они служатъ одинаковое количество лѣтъ и не пользуются никакими привилегіями. Въ моемъ взводѣ были и студенты, и заводчики, и даже священникъ. И они ничѣмъ не выдѣлялись изъ общаго ряда. И никто ихъ ничѣмъ не выдѣлялъ...

Но ихъ присутствіе въ солдатскихъ рядахъ накладываетъ сильную печать на общія отношенія.

Солдаты и офицеры уважаютъ взаимно другъ друга. Да и какъ же иначе? Сегодняшній солдатъ—завтра самъ офицеръ, и какой офицеръ! Сколько ихъ уже дошло до чина подполковника за нѣсколько мѣсяцевъ войны... Минимумъ половина низшаго офицерскаго состава состоитъ изъ вчерашнихъ солдатъ, и въ большинствѣ случаевъ вы никогда не догадаетесь объ этомъ.

Французскій солдатъ—критиканъ и «grognaud» еще со временъ незапамятныхъ. Онъ настолько развитъ, что отчетливо видитъ всѣ ошибки командира; ему кажется, что всякое дѣло можно сдѣлать гораздо лучше, и онъ всегда ворчитъ на начальство. Командовать имъ—нелегкая штука. Галунъ въ его глазахъ—ничто, если онъ не сопровождается дѣйствительными знаніями и превосходствомъ. Слѣпому, безразсуднаго повиновенія отъ него не жди. И офицеръ обязанъ, принужденъ этой вѣчно ощущаемой критикой подчиненныхъ, работать и быть на высотѣ положенія.

Офицеръ долженъ быть примѣромъ для солдата; онъ долженъ во всѣхъ случаяхъ брать вѣрную линію по-

веденія, и только тогда солдатъ вполнѣ довѣрится ему. Солдатъ ворчитъ; но когда рѣшеніе принято, когда слушный часъ пробилъ, онъ кидается впередъ съ веселостью и беззаботностью, присущей французу. Но только тогда, когда пробилъ *дѣйствительный* грозный часъ.

Ибо онъ цѣнитъ и любить жизнь. Въ прекрасной Франціи не услышишь поговорки, что жизнь—копейка. Здѣсь жизнь—огромное достояніе, и расстаются съ ней добровольно только ради *реального*, большого дѣла, а не изъ-за безразсудной удали, молодецкой выходки. Но зато, когда дѣло вырисовывается во всю свою величину, французъ твердо рѣшаетъ, что умирать—то всего одинъ разъ,—и идетъ до конца.

Война разрушила много ложныхъ представленій, а въ томъ числѣ и представленіе о французѣ, какъ восторженномъ, невыдержанномъ типѣ, крикунѣ и немного фанфаронѣ. Наоборотъ, въ немъ масса настоящаго, природнаго такта, удерживающаго отъ ненужной крикливости. Ему, страстному патріоту, чужды всякія патріотическія шумливыя манифестаціи, всякое публичное проявленіе глубокихъ чувствъ. И игривую пѣсенку онъ предпочтетъ патріотическому гимну. Но сколько же въ немъ непосредственной красоты въ проявленіи настоящихъ чувствъ и въ настоящую минуту!

Только во Франціи могъ родиться легендарный крикъ: «*Debout les morts*»—Мертвые, вставай,—простого раненаго солдата при видѣ подходящихъ къ полной труповъ траншеѣ враговъ, и только въ ней лежащіе впремежку съ мертвецами тяжело раненые могли воспрянуть при этомъ высшемъ призывѣ и, истекая кровью, отбить непріятеля... Возьмите безчисленные приказы по полкамъ и арміи, и вы увидите, съ какой красотой умираютъ рядовые, офицеры и генералы, объединенные народомъ въ одномъ общемъ названіи: «*petits soldats de*

France»... И то, что намъ подчасъ кажется прямо позой,—до того необычна эта красота въ устахъ простого солдата,—во французской арміи—обычное явленіе. Капитанъ Руссъ-ля-Кордеръ, увлекшій свою роту призывомъ: «Впередъ, пусть наши жены оплакиваютъ героевъ!» и сраженный пулей—одинъ изъ тысячи подобныхъ примѣровъ.

Ихъ предсмертныя посланія поражаютъ рѣдкой возвышенностью чувства, и послѣднее письмо скромнаго парижскаго повара, пѣхотнаго солдата, къ своей женѣ уже вошло безсмертнымъ образцомъ въ классическую литературу Франціи. А недавній жестъ трубача, игравшаго атаку, которому осколкомъ снаряда оторвало правую руку? Онъ разжалъ лѣвой скорченные пальцы сжимающей трубу и валяющейся на землѣ руки, высвободилъ инструментъ и вновь затрубилъ атаку...

Обычная фраза умирающаго солдата: «Я исполнилъ свой долгъ». Сознаніемъ необходимости исполнить «свой долгъ» французъ полонъ всегда...

Въ немъ нѣтъ сильно развитаго коллективнаго чувства. Дисциплина его своеобразна. Не потому онъ повинуется, что его заставляютъ повиноваться, а потому что это *необходимо*. Но въ душѣ онъ—индивидуалистъ. И если вы его послали въ какое-нибудь отдѣльное предпріятіе, будьте спокойны, онъ тысячу разъ спроситъ себя по совѣту генерала Фоша: «Въ чемъ состоитъ моя миссія, что я долженъ сдѣлать?»,—и сдѣлаетъ какъ нельзя лучше. Только не надоѣдайте ему глупостями, только не дурите ему лишними словами голову.

Французъ знаетъ, за что онъ идетъ умирать. Не ради завоеваній и скверныхъ авантюръ, а ради защиты отечества. Вѣрно или нѣтъ, но таково сознаніе солдатской и офицерской среды, включающей въ себѣ безъ остатка весь цвѣтъ мужского населенія Франціи въ возрастѣ отъ 18-ти до 48-ми лѣтъ. И это сознаніе «борца

за права своего народа и народовъ міра» придаетъ ему необычайную крѣпость. Оттого съ такимъ спокойствіемъ ѣдутъ солдаты въ далекую Сербію, въ невѣдомую страну. Вѣдь они тамъ будутъ продолжать то же дѣло справедливости; вѣдь Сербія—страна героизма, отказавшаяся, какъ и Бельгія, согнуться подъ тяжелой нѣмецкой пятой.

Именно тяжелой. Какъ тяжеловѣсно все, основанное только на силѣ и повиновеніи.

А французъ легокъ, увлекателенъ и изященъ. Когда церемоніальнымъ маршемъ быстро, быстро и свободно, идутъ французскіе полки, — особенно полки пѣшихъ егерей или альпійскихъ стрѣлковъ, — чувствуешь, что это та самая нація, которая могла, въ данномъ ей исторіей порывѣ, пробѣжать весь міръ. Развернулась война, размахнулась размахомъ необычайнымъ... Торжественныя вступленія въ чужія столицы, — сначала нѣмцевъ, а потомъ наступитъ пора и союзниковъ. Но изъ всѣхъ вступленій я хотѣлъ бы видѣть одно, участвовать въ одномъ... Въ триумфальномъ маршѣ французской арміи подъ Arc de Triomphe въ Парижѣ... Арміи, не искавшей завоеваній, арміи - націи, арміи, полной высокихъ традицій и благородныхъ грезъ, арміи мира. Подъ захватывающіе звуки марша Самбры и Мёзы, торжественнаго и глубокаго, легкимъ, почти воздушнымъ шагомъ пройдутъ эти чудныя войска среди ликующаго народа... И это будетъ единственное, дѣйствительно триумфальное вступленіе въ столицу страны, всегда шедшей во главѣ человѣчества...

А пока... пока мелькнула вдалекѣ Корсика, гдѣ недавно еще умеръ дорогой намъ соотечественникъ Блекловъ.

Корсика—страна мелкихъ чиновниковъ, парижскихъ городскихъ, наивныхъ фантазеровъ и честныхъ разбойниковъ. Помню, какъ съ благоговѣніемъ показаль мнѣ

Сантини въ одной изъ траншей Шампани фотографію красиваго старика.

— Что это? Вашъ отецъ?

— О, нѣтъ, мой лейтенантъ, это—разбойникъ...

Ужъ не помню его имени.

И когда я разсказаль объ этомъ случаѣ капитану Бенекки, тоже корсиканцу, онъ безъ колебанія отвѣтилъ:

— Что же, это хорошо, что онъ хранить его карточку, N.—добрый, честный разбойникъ...

На палубѣ кричатъ солдаты. Подъ лучами солнца, по спокойной глади моря бѣжитъ вровень съ нами нашъ ангель-хранитель—миноносецъ. Онъ съ минуту держится въ этомъ направленіи, потомъ круто поворачиваетъ въ сторону, выносится впередъ, кружится и ищетъ, ищетъ въ подводныхъ глубинахъ страшнаго нѣмецкаго разбойника. Этотъ-то не такъ честенъ... Я сталкиваюсь съ докторомъ Карпантье. Ему подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ самъ попросился въ кавалерійскій полкъ и ѣдетъ въ Сербію. Хоть куда, молодецъ... «Шешія», —фэска африканскихъ егерей,—придаетъ доктору восточный оригинальный видъ. Мы говоримъ о Сербіи.

— Ну, конечно, это—крестовый походъ,—поддерживаетъ онъ меня,—парусные корабли замѣнены пароходами, гробъ Господень—независимостью Сербіи, а примитивное оружіе—страшными пушками; но мысль-то, но принципъ-то все тотъ же...

Смѣется море, смѣется солнце, смѣется вѣтеръ. Бѣжитъ нашъ корабль все впередъ и впередъ...

II.

У Мальты нашъ ангель-хранитель сказалъ намъ «прости». Сдѣлаль нѣсколько легкихъ туровъ по спокойной поверхности моря, зашелъ сзади къ самой кормѣ нашего пакебота, въ мгновеніе перекинулась тонкая

бечева, и по ней быстро скользнул мѣшокъ съ нашими письмами.

— До свиданія, добраго пути!—закричалъ командиръ миноносца.

— «Ура!»—понеслось съ пакебота.

На корму выскочилъ эскадронный песъ и залаялъ.

— Кланяйся Марсели!—крикнулъ вслѣдъ поворачивающемуся судну солдатъ, и вся палуба покатила со смѣха.

А миноносецъ легко и изящно уже бѣжалъ къ французскимъ берегамъ. Ему на смѣну изъ Мальты шель солидный, какъ и слѣдуетъ быть, англичанинъ. За нимъ неуклюже плелся еще одинъ транспортъ. Наша армада увеличивалась. Послѣдній взглядъ на Мальту, и мы снова несемся на востокъ, къ синему Эгейскому морю.

Тихо проплыли вдаль девять—десять пустыхъ транспортовъ, возвращающихся изъ Салоникъ за новымъ грузомъ. Въ добрый часъ, друзья...

Волны—синія-синія, цвѣта индиго. До того синія, что вѣрить не хочешь... Наверху идетъ горячій разговоръ. Ругаютъ..., конечно, нашего брата, журналиста. Или, вѣрнѣе, печать.

— Я по пяти мѣсяцевъ не читалъ газетъ и, увѣряю васъ, не былъ оттого несчастнѣе. Что теряешь, не видя этихъ грязныхъ, пачкающихъ руки, листовъ? Подумаешь, какъ интересно: мадамъ Кайо убила Кальметта, министерство шатается и т. д., и т. д.

— Совершенно правильно,—подхватываетъ высокій, крѣпко сбитый парень, ѣдущій въ качествѣ почтового офицера,—одинъ изъ моихъ друзей отъ чтенія газетъ съ ума сошелъ...

Передъ такой яростной атакой ничего не подѣлаешь. Я скромно умалчиваю о своемъ родствѣ съ ненавистной прессой. Впрочемъ, всѣ сходятся на томъ, что пер-

вымъ дѣломъ въ Салоникахъ надо купить какъ можно больше различныхъ газетъ...

... Вечеромъ солнце медленно уходило за западный обрѣзъ моря. Его уже не было видно, но половина неба, задернутая въ занавѣсь стянувшихся къ заходу облаковъ, горѣла алымъ пламенемъ. На востокъ вытянулась фантастическая узкая рыба - пила голубого цвѣта, вытянулась и застыла. Занавѣсь сталъ оранжевымъ, потомъ лиловымъ, а потомъ превратился въ разноцвѣтный городъ. Рыба - пила потемнѣла и растаяла. Городъ началъ быстро разваливаться, а вокругъ надъ головой раскинулся темный бархатъ, засверкалъ Сиріусъ, и милліонами звѣздъ отразилось въ волнахъ ласковое небо...

Пароходъ уходилъ отъ Сиріуса. Кто вамъ сказалъ, что пароходъ—не живое существо? Онъ быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжело дышитъ, обдаетъ васъ своимъ горячимъ дыханіемъ и весь дрожитъ отъ могучихъ усилий. Дрожитъ и отъ чего-то убѣгаетъ, къ чему-то несется и рѣжетъ грудью теплыя волны. Горитъ и тянется далеко позади огненная кайма, сверкающими брызгами разлетаются всплески моря, оно все свѣтится, все переливается фосфорическимъ огнемъ.

... Къ утру вѣтеръ крѣпче. Вздываются волны. Темно-темно-синія... а, разбившись о бортъ, на мгновеніе становятся свѣтло-голубыми, какъ утреннее небо. Со снѣговыхъ ихъ гребней вѣтеръ срываетъ брилліантовую пыль и мечетъ ее по залитому солнцемъ морю. Разомъ загораются въ ней тысячи радугъ... Вылетѣли изъ волнъ три серебряныхъ рыбки съ голубыми спинками и пошли летать вперегонку съ гребня на гребень. Наигрались и нырнули въ глубокое море. Качаются мачты. Почему мачты? Хотя и попутный вѣтеръ, но зачѣмъ онъ? Къ передней привязана бочка. Въ ней матросъ какимъ-то чудомъ зашиваетъ свою куртку... Ему лѣнь искать

привычными глазами подводныхъ пиратовъ. Да къ тому же, если они появятся, кто-нибудь замѣтитъ. А это—главное... Качается мачта, качается бочка, качается матросъ... Все крѣпче попутный вѣтеръ. Что намъ попутный вѣтеръ,—нашъ пароходъ въ немъ не нуждается,—а все же пусть намъ дуетъ попутный вѣтеръ... Сверкнула въ воздухѣ, въ солнцѣ чайка. Это къ добру. Пищать щенята; они еще слѣпые и жмутся къ счастливой матери. Прыгаетъ по палубѣ маленькая прибудная птичка. Ей тутъ раздолье... Изъ всѣхъ стойлъ сыплются овесъ, ячмень. Ышь—не хочу... Чирикаетъ птичка, бѣгутъ солдаты, кидаютъ по вѣтру горсти сѣна и хочочутъ. Глядятъ непонимающими глазами кони, выскочилъ, перекувырнулся и спрятался въ волнахъ дельфинъ... А вѣтеръ поетъ, и солнце свѣтитъ, и море улыбается...

Надвинулась солнечная Эллада... Далеко налѣво осталась мысъ Матапанъ. Вотъ и островъ Цитеры, а на немъ—невѣдомый городъ. Гдѣ же сирены? Докторъ ищетъ, ищетъ пронзительнымъ взоромъ въ золотой дали...

— Что вы ищете, докторъ?

— Афродиту....

Богиню Эллады!.. И впрямь, кому, какъ не доктору, искать ее. Старый мечтатель стоитъ на мосту, вѣтеръ рветъ съ него феску, но ничего не видно въ золотой дали, въ невѣдомомъ городѣ...

... Снова ночь. Ночь въ Архипелагѣ. Вотъ уже шесть сутокъ мы въ морѣ, и что ни день, что ни ночь, то краше и краше. Впрямь волшебными путями идемъ мы къ своей судьбѣ. Теплой нѣгой охватила насъ ночь, загорѣлись огни на маякахъ выступившихъ изъ моря скаль-острововъ, заблестѣли, какъ неподвижныя звѣзды. И пошелъ кружить нашъ корабль межъ загадочныхъ массивовъ. Куда ни глянь,—всюду вокругъ тишь, красота и... измѣна. Вотъ она притаилась за чуть уга-

дываемой вдалекѣ скалой, спряталась у ближняго островка, бѣжить намъ навстрѣчу подѣ водой. Свѣтятъ предательскимъ свѣтомъ маяки. Ихъ сторожа,—бѣдняка-грека, затеряннаго въ водномъ просторѣ,—можно купить и продать за грошъ мѣдный. А не покорится добромъ,—возьмутъ силой; что онъ подѣлаетъ противъ силы,—онъ, ничтожная песчинка. Это—самое излюбленное мѣсто нѣмецкихъ акулъ; здѣсь онѣ подстерегаютъ свою добычу и кидаются на нее.

А небо высыпало звѣздами, и море не шелохнется, горитъ своими блѣдными огнями, и маяки манятъ, зовутъ, одинъ за другимъ обступаютъ со всѣхъ сторонъ, разбѣгаются и глядятъ немигающимъ окомъ... Бѣжить впереди миноносецъ, чертятъ зигзаги транспорты, и вся армада новыхъ аргонавтовъ несется на сѣверо-востокъ...

Сегодня утромъ мы оставили налѣво Пелопоннесъ и изъ сѣти острововъ вошли въ Салоникскій заливъ. Тремя пальцами вытянулся въ море Халкидскій полуостровъ. На прощанье, острова, затонувшіе въ темно-синихъ волнахъ, пріодѣлись въ зеленъ. Но была своя жгучая, своеобразная прелесть и въ фіолетовыхъ скалахъ, прорѣзанныхъ, словно сгустками запекшейся крови, красноватыми жилами. Фіолетовые острова на синемъ морѣ...

Здѣсь волны стали зеленыя, сдвинулись съ трехъ сторонъ берега и кипитъ жизнь. Подлетѣлъ миноносецъ, повернулся и понесся прочь. Взметнулись легкими чайками рыбацьи паруса, закачались у пристаней корабли, и побѣжали вдоль моря дома и усадьбы.

Замкнулась вокругъ цѣпь фіолетовыхъ горъ. Смѣшались облака и вершины, и вся гамма нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ засверкала прощальнымъ привѣтомъ ушедшему солнцу. Бѣлый городъ на фіолетовыхъ склонахъ. Минареты. Горятъ зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ бѣлые корабли-госпитали. Свистятъ пароходы. Это—Салоники,—Солунь...

Салоники.

Водоворотъ племенъ, народовъ и армій... И какой красочный! Жжетъ южное солнце, по узкимъ улочкамъ бѣжитъ, шумитъ людская волна. Идутъ стройные, высокіе англичане; они выступаютъ съ такимъ видомъ, будто бы Салоники находятся неподалеку отъ Лондона; ихъ хаки мѣшается съ голубымъ французовъ, съ красными шароварами и фесками зуавовъ, съ чернымъ моряковъ всѣхъ націй, съ хаки греческой арміи. Послѣдняя заполняетъ собою все. Выложенные греческіе офицеры и оборванные греческіе солдаты—главный военный фонъ картины. Но съ пришельцами они до чрезвычайности вѣжливы и козыряютъ безупречно. Мелькаютъ характерныя сербскія кэпи. Идутъ по улицамъ сѣдые библейскіе евреи, длиннобородые и важные, снуютъ пронырливые греки, хватаютъ васъ за руки и предлагаютъ на всевозможныхъ языкахъ все, что только существуетъ на землѣ. Сидятъ за прилавками турки, молчаливые и благожелательные, семенятъ женщины въ шароварахъ, съ покрываломъ на лицахъ, еврейки въ характерныхъ костюмахъ, дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ, простоволосыя и босоногія дѣвчонки, маленькіе татарчата. Ревутъ ослы, запружаютъ дорогу англійскіе колоссальные автомобили, скользятъ маленькія двуколки греческой арміи, орутъ фургонщики,

ѣдутъ драгуны, гремитъ артиллерія и плетутся на буй-волахъ обозы. На ослахъ катитъ греческій выучный обозъ, тутъ же замѣшались турчанки на мулахъ, въ арбахъ везутъ наше продовольствіе... Пронзительно кричатъ мальчишки и дѣвчонки названія греческихъ, турецкихъ, еврейскихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ и иныхъ газетъ. На всѣхъ языкахъ міра предлагаютъ, спрашиваютъ и ругаются въ Салоникахъ. Колоссальный международный котелъ, въ которомъ кипитъ полнымъ паромъ, бьетъ бѣлымъ ключомъ самая лихорадочная, безумная жизнь. Врядъ ли когда-либо на какомъ-нибудь другомъ пунктѣ нашей планеты происходило что-нибудь подобное.

Синее небо раскинулось надъ городомъ, окружили его фіолетовыя подъ вечеръ и розовыя на разсвѣтѣ горы, бьется, плещетъ о него зеленое море, заливаешь золотомъ его улицы солнце, и бѣлые минареты стремятся оторваться отъ земли и утонуть въ небѣ. Темно-зелеными свѣчами встали кипарисы, и безмолвно глядятъ съ высотъ бойницы окружающихъ городъ стѣнъ. А на улицахъ бьетъ безумная жизнь.словно въ фантастическомъ кинематографѣ, въ больномъ бреду, кружится передъ вами весь міръ, и это лихорадочное круженіе, эта безудержная энергія заражаетъ васъ, и хочется бѣжать въ общемъ водоворотѣ и кричать, и я не знаю что дѣлать. Ходишь пьяный-пьяный по шумнымъ улочкамъ, пьяный отъ этого гама, красокъ, солнца, движенія, и широко раскрываются глаза, и кружить въ головѣ, и всю бы жизнь, кажется, жилъ этой лихорадкой, этимъ бредомъ, подъ синимъ небомъ у зеленого моря, среди фіолетовыхъ горъ, гдѣ такъ остро вонзаются въ небо легкіе, бѣлые минареты.

... Гдѣ другъ, гдѣ врагъ,—ничего не разобрать. Турокъ честно продаетъ товаръ, и надуваютъ всѣ остальные. Маленькій турчонокъ, провожатый по лавкамъ,

декламируетъ французское стихотвореніе, это,—чтобы порадовать насъ. Сербскимъ бѣженцамъ прислуживаетъ болгарскій лакей. Во все мѣшается, во всемъ гадить, всюду шпионить нѣмецкій консуль. Австрійцы, итальянцы, сербы, болгары, турки и мы, остальные «союзники», встрѣчаемся на каждомъ шагу и вмѣстѣ катимся въ греко-еврейскомъ потокѣ по улицамъ Солуни,—нѣтъ, не Солуни, а Салоникъ, какого-то современнаго Вавилона...

— «L'Opinion, Opinion», франкофильскій журналъ!—предлагаетъ черноглазый мальчишка.

— «Салоникскій Курьеръ»,—журналъ «бошъ»!—кричитъ другой.

— Совсѣмъ не «бошъ», это—израелитскій журналъ,—вступается третій:—журналъ «бошъ»—«Новый Вѣкъ». Возьмите, господинъ, «Новый Вѣкъ»...

— Врешь ты, израелитскій журналъ—все равно, что журналъ «бошъ»...

Начинается драка. Чтобы успокоить страсти, беремъ всѣ газеты. Богъ мой, что за восточная наглость!... И «наши», и «бошскія», съ позволенія сказать, газеты возвѣщаютъ самые неслыханные успѣхи, огорашиваютъ необычайными цифрами.

Бѣгутъ улочки вверхъ, карабкаются къ старому форту, къ гордымъ башнямъ. Заворачиваютъ во всѣ стороны, переплетаются, разбѣгаются, ускользаютъ подъ слившіеся балконы. Тихо и тепло здѣсь,—такъ тихо и такъ тепло, какъ въ небольшомъ городкѣ Закавказья, какъ въ далекомъ Ахалцихѣ... Легко идетъ турчанка, смѣется маленькая газель; «Франкъ, франкъ»,—кричатъ черноволосые мальчуганы... Важные сидятъ въ голубыхъ и лиловыхъ кофейняхъ греки и турки, пьютъ изъ маленькихъ чашекъ сладкій восточный нектаръ и смотрятъ на все, на весь міръ спокойными, мудрыми очами.

Карабкаются вверхъ наивные разноцвѣтные домики, небольшія мечети со стрѣльчатыми минаретами, цер-

ковки съ потемнѣвшими крестами, синагоги со скрижалями. Тихо здѣсь послѣ фантазмагоріи европейскаго квартала. Тихо и сладко. Внизу разбросался больной, безумный городъ, зеленѣетъ заливъ, синѣютъ горы, несется аэропланъ, кружить орель.

Бьетъ копытомъ Сюркуфъ, храпитъ, прядаетъ ушами, косится по сторонамъ. Подозрительны ему эти улочки со скользкими плитами, цвѣтныя домики, яркія краски, библейскіе старцы, ослы, арбы, кофейни... Храпитъ и осторожно идетъ по тихому лабиринту. Дошелъ до древней стѣны, проскочилъ въ круглый проломъ и наткнулся на... англичанокъ... Въ сѣрыхъ костюмахъ и съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, онѣ идутъ по предмѣстью, идутъ и ахають.

... Откуда это? Изъ «Тысячи и одной ночи»? Взялись за руки пять гибкихъ, высокихъ парней въ красныхъ курткахъ и темно-каштановыхъ шароварахъ, гетры на ногахъ, барашковые береты на головѣ, синими поясами опоясаны. Бьетъ барабанъ, пищать дудки, играетъ зурна. Тихо - тихо покачивается хороводъ, плавная льется мелодія. Быстрѣе играетъ зурна, быстрѣе движутся парни. И понеслось, закружилось... Ихъ уже не пятеро, ихъ семеро, десять, я не знаю сколько... Заржалъ Сюркуфъ, прыгнулъ, какъ безумный, и понесся изъ волшебнаго предмѣстья.

Свиститъ вѣтеръ въ ушахъ, мелькаютъ кладбище, дома, бараки, дорога. Сюркуфъ летитъ по полямъ къ бѣлымъ палаткамъ, что выстроились на далекомъ склонѣ. Мчитъ безудержно. Кончилась все же сладкая погоня. Я соскакиваю наземь, смотрю въ его большіе, черные глаза. Смѣется товарищъ, будто спрашиваетъ: «Ну что, хорошо тебѣ?»

— Хорошо, хорошо,—кричу я ему, обнимая его умную морду.

Хорошо. И тихо. И солнечно.

Въ полѣ лагеремъ.

Послѣ феерическаго салонискаго столпотворенія спокойно и привольно въ нашемъ лагерѣ. Да, въ нашемъ лагерѣ. «Нашъ лагерь»—это просторная долина между двумя цѣпами высокихъ холмовъ или, если хотите, невысокихъ горъ. Тѣхъ самыхъ холмовъ-горъ, что играютъ, смотря по времени и освѣщенію, всѣми красками. Чаше всего они фіолетовые, на закатѣ розовые, въ пасмурные дни сѣрые, а нынче бѣлые, какъ подвѣнечныя свѣчи. Между ними и по ихъ склонамъ разбѣжались палатки французскихъ, англійскихъ и греческихъ полковъ.

Голо, какъ на ладони, ни куста, ни деревца. Не зря, видно, хозяйничали здѣсь турки нѣсколько вѣковъ. А земля въ салониской Кампаньѣ чудесная, тучная, почти дѣвственная.

— Эхъ, кабы не семья, переселился бы я послѣ войны сюда,—съ мечтательнымъ видомъ вздыхаетъ Кале, толстый, рыжій резервистъ, кучеръ эскадронной арбы. Таковъ вѣчный припѣвъ пахаря, какого бы роду-племени онъ ни былъ, куда бы ни забросила его ненарокомъ судьба. Такъ же мечтательно охали мои охотники, самарскіе мужички, глядя завистливыми очами въ прошлую кампанію на богатство и приволье манчжурскихъ пашень.

Голо, а ужъ красиво,—такъ красиво, что и не разсказать. Особенно по вечерамъ, когда зажгутся всѣ эти безчисленные долинныя и горныя палаточныя города, загорится разноцвѣтнымъ фейерверкомъ портъ, заблестятъ моремъ огня Салоники. Съ нашего холма видно, освѣщенное луной, серебряное море, далеко по другую сторону рѣжетъ Кампанью Вардаръ, несутся неясныя и манящія звуки, и горы становятся больше, ближе и темнѣе, и звѣзды ярче, и лагеря-города обширнѣе.

Мы вылѣзли на самую вершинку холма, разбили коновязь, поставили большіе бѣлые шатры—«марабу», натянули походныя палатки, вырыли кухни и успокоились. Потому что почувствовали себя дома. Быстро все это дѣлается. Еще недавно были гдѣ-то тамъ далеко, въ прекрасной Франціи, въ семь дней переплыли Срединное море, попали въ невѣдомое царство-государство, и черезъ два часа уже казалось, что весь свой вѣкъ мы стояли здѣсь, въ Кампаньѣ, и смотрѣли на море, горы и безвѣстныя дали...

Это—мы. А посмотрѣли бы вы на англичанъ. Они уже на пристани, только высадившись изъ шалюпъ, чувствуютъ себя хозяевами положенія. Грудь впередъ, глаза прямо передъ собой, съ иголки снаряженные, молодецъ къ молодцу, они маршируютъ по улицамъ Салоникъ, какъ гдѣ-нибудь въ зеленомъ Типерари, и, Богъ мой, какими жалкими по сравненію съ ними кажутся греческіе солдаты, одѣтые, какъ и англичане, въ суконныя хаки. Словно смѣшная и жалкая пародія...

Ихъ обозы на ишакахъ, ихъ низкорослая конница, игрушечныя повозки, убогій блескъ офицерства и обрванность солдата,—все это не увеличиваетъ того большаго значенія, которое неожиданно придало греческой арміи запутанное политическое состояніе Европы. Она окружила насъ, врѣзалась клиномъ въ наши лагеря, но,

надо отдать справедливость, въ минуты самыхъ сильныхъ политическихъ осложненій ея солдаты и офицеры были необычайно предупредительны и любезны съ «союзниками», особенно съ французами.

Англійская метода дѣйствовать твердо и безъ экивоковъ распутала греческую загадку, хотя врядъ ли элладскіе германофилы могли бы произвести серьезную попытку подражанія Болгаріи. Я ужъ и не говорю о стальномъ поясѣ союзныхъ эскадръ и прекрасныхъ войскъ, высаженныхъ въ Салоникахъ: чувства большинства греческой націи—порука противъ авантюры. Но все же мы видѣли за послѣднее время столько невѣроятныхъ безумствъ, что предосторожность англичанъ пришлась кстати.

Два метода дѣйствія, двѣ націи, два характера. Французы высадились и моментально кинулись къ Криволаку. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ они бьются тамъ. Англичане сначала послали корабли, полные автомобилей, палатокъ, всякаго добра. Просто у нихъ сказочное богатство. Ведрами варенье, лучшіе консервы, прекрасныя папиросы, горы дровъ, углей, печи, всякій фуражъ, роскошныя палатки и пр., и пр. Они устраиваются прочно и съ удобствами.

Мы гораздо бѣднѣе, но зато въ первую голову идемъ впередъ. Тѣмъ временемъ, устроившіеся англичане подходятъ на подмогу, и мы устраиваемся въ свою очередь.

Но какая это прекрасная нація—французы. Словно искристое шампанское бьетъ въ ихъ жилахъ вмѣсто крови. Я былъ на концертѣ зуавовъ. Да, на концертѣ, устроенномъ полкомъ на третій или четвертый день по высадкѣ...

Подъ синимъ пологомъ неба, на холмѣ съ видомъ на море, насыпана небольшая земляная эстрада. Позади—фонъ изъ палаточныхъ полотнищъ съ трехцвѣтными флажками. На всѣ стороны горы, долины и лагеря.

Оркестръ «зузу» (зуавовъ) и трубачи нашихъ «шасдафовъ» (chasseurs d'Afrique) играютъ маршь зуавовъ. Ихъ красныя фески, широкія шаровары въ чудесной гармоніи съ моментомъ и окружающею картиной. Видали виды эти «зузу». Пять разъ перемѣнился ихъ составъ; офицеры въ немъ всѣхъ родовъ оружія, всѣ—въ крестахъ. Солдаты,—взглядъ смѣлый, открытый, лицо гордое, осанка граціозная и рѣшительная. Замѣчательный полкъ...

Выскакиваетъ на сцену комикъ,—и какой! Первоклассный... Хохотъ стоитъ надъ всею округой. Потомъ выходитъ шансонетный пѣвецъ, потомъ фокусникъ,—и все это лучшее, все первосортное. Появляется оперный артистъ, пожилой зуавъ, капраль, заматерѣвшій въ бояхъ, и поетъ «Марсельезу». Какой простотой и грандіозностью дышитъ подъ чуждымъ небомъ великій гимнъ свободы. И какъ онъ кстати здѣсь. А затѣмъ поется гимнъ знамени. Сочинилъ этотъ гимнъ простой «зузу». И знаете ли, что для него знамя? «Знамя, это—символь и ликъ Франціи на чужой землѣ, Франція-освободительницы. Знамя, это—символь свободы и равенства. Это—ликъ Франціи»...

... А нынче мы въ Россіи. Вчера цѣлый день лилъ дождь, рвалъ вѣтеръ. Мы лихорадочно врѣзывались въ землю и мокли. Сегодня же все бѣлымъ-бѣло. И горы, и долины, и не отличишь отъ снѣга палаточныхъ городовъ. Только море вдали голубѣетъ. Холодно. Рветъ палатки злой вѣтеръ, засыпаетъ снѣгъ, морозитъ. А мнѣ любо,—Россія да и только. Бѣло и тихо. Только лошади бѣдныя поникли головами и поджали хвосты.

Въ фіолетовыхъ горахъ.

Наша зима длилась недолго. И снова солнце, и краски, и поздняя весна на дворѣ. Или лучше—поздняя осень. Въ чуть-чуть туманной дали—фіолетовыя горы, а среди нихъ—на склонѣ,—бѣлая церковь, бѣлая деревушка вокругъ. Осѣдлалъ коня и поѣхалъ въ фіолетовыя горы. Чудно. Куда ни глянь,—лагери. Тамъ, справа,—англійскій, здѣсь—французскій, подалѣ—греческій, позади—сербы, что пришли вчера...

Хорошо ѣхать. Цѣлина дѣвственная,—ни полей, ни луговъ. Скачи на полной волѣ.

Вотъ и деревушка... Бѣдное «кафенето», вокругъ—сакли изъ глины и булыжника, прикрытыя заросшей мохомъ древней черепицей. Словно аулъ въ горахъ Кавказа, только почище.

Здѣсь у меня—пріятели. Во-первыхъ, маленькій Петро, потомъ Борисъ, потомъ Георгій и маленькая прелестная Ленка. Въ прошлый разъ дѣтишки кучей сбились вокругъ стола, съ любопытствомъ разглядывая меня и Сюркуфа. Говорили на какомъ-то невѣдомомъ нарѣчій, смѣялись, толпились вокругъ лошади. Чтобы ихъ позабавить, я сказалъ Сюркуфу:

— Дай ногу.

Лошадь важно протянула ногу. Возгласъ всеобщаго изумленія повисъ въ воздухѣ. Эффектъ получился совершенно необычайный.

Минуту спустя всѣ дѣтишки приставали къ Сюркуфу, настойчиво требуя:

— Дай ногу, дай ногу...

Это меня нѣсколько поразило. И вдругъ Петро выговорилъ сущему во всѣ стороны свою ногу Сюркуфу:

— Добъръ день...

И потомъ, обращаясь ко мнѣ:

— Добъръ конь.

— Ты что, болгаринъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ.

— Сербъ?

— Нѣтъ.

— Грекъ?

— Нѣтъ.

— Кто же ты?

Мальчишка посмотрѣлъ на товарищей, засмѣялся и сказалъ по-гречески:

— Я—македонецъ, я—грекъ.

— А они?—показалъ я на дѣтвору вокругъ.

— Они—тоже македонцы,—и съ хохотомъ добавилъ:—Георгій—болгаринъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ Георгій, — я — македонецъ!

— А ты кто?—задалъ онъ мнѣ въ свою очередь вопросъ.

— Я—русскій...

— Русскій?

Дѣтвора застыла, какъ зачарованная.

Но Петро не вѣрить.

— Врешь, ты—французъ.

— Нѣтъ, русскій.

Подходитъ молодой чернобородый священникъ въ скуфейкѣ.

— Русскій, русскій!—кричатъ ему дѣтишки и указываютъ на меня.

Священникъ съ интересомъ приглядывается и тоже не хочетъ вѣрить.

Почему бы имъ не вѣрить?

Я стараюсь опредѣлить, къ какому роду - племени принадлежать дѣтишки. Увы!—это невозможно. Ихъ языкъ—смѣсь всѣхъ нарѣчій. Личики умныя, глаза быстрые, движенія ловкія. Одѣты они красочно. Шерстяныя куртки всѣхъ цвѣтовъ. Такія же шаровары. Шерстяныя, цвѣтныя же онучи на ногахъ. Маленькія шапки на головѣ. Голубое, коричневое, красное мѣшается въ причудливыхъ узорахъ. У многихъ вытатуированы синіе крестики на переносицѣ.

Начинается урокъ языка. Я ихъ учу французскому. Сперва счету. Вся ватага хоромъ повторяетъ за мной до десяти. Память у нихъ и способности большія.

Переходимъ на имена существительныя.

— Ля мезонъ,—показываю я имъ на домъ.

— Ля мезонъ,—повторяетъ Петро и добавляетъ: Трапези—по - гречески, киша—по - болгарски.

— По-болгарски?—переспрашиваю я.—Ты развѣ болгаринъ?

— Нѣтъ,—хохочетъ Петро,—я же тебѣ сказалъ, что я—грекъ, македонецъ.

— Ля табль,—продолжается урокъ.

— Спи́ти—по - гречески, трапѣза—по - болгарски.

— Столъ—по - русски,—добавляю я.

— Столъ—по-русски,—эхомъ отвѣчаетъ дѣтскій хоръ.

Маленькая Ленка улыбается и тянетъ ручонку за конфеткой.

Женщины, некрасивыя, работаютъ вокругъ русской печи, таскаютъ изъ нея лопатой хлѣбы. Смѣсь украшений изъ бусъ и изъ вышивокъ: не то востокъ, не то югъ отпечатлѣлъ на ихъ лицахъ странное выраженіе бойкости и застынчивости. Бѣдно вокругъ,—такъ бѣдно, что и сказать трудно. Бѣжитъ по долинѣ бѣлое стадо

барановъ. Играетъ пастухъ на свирѣли. Заунывная пѣсня, а повыше, въ скалахъ фіолетовыхъ горъ, протяжно и грустно ржетъ одинокая лошадь. Кружить въ вышинѣ стервятникъ...

Затерялась маленькая деревушка съ бѣлой церковью въ салоникской Кампаньѣ. Что за люди въ ней?

... Нынче дѣтишки непривѣтливы, убѣгаютъ во всѣ стороны; женщины ничего продать не хотятъ. Добиваюсь, почему.

Старый - престарый старикъ. Не говоритъ ни по - гречески, ни по - болгарски. Мой спутникъ спрашиваетъ его по - турецки. Оживился старикъ, заговорилъ.

— Нельзя продавать, — греческія власти запретили.

— Да кто же вы? — допытываюсь у старца.

— Мы — христіане, христіане - македонцы.

— Это — дьяволы, черти, — ввертываетъ свое словечко греческій солдатъ. — Сегодня турки придутъ, — они будутъ турки, завтра болгары, — станутъ болгары, сербы, — перевернутся въ сербовъ, нынче онѣ — греки. А по - моему — дьяволы. Живутъ они здѣсь съ незапамятныхъ временъ, говорятъ на неизвѣстномъ языкѣ, никто ихъ не понимаетъ. И сербскія, и греческія, и болгарскія слова, а нѣтъ языка. Сущіе черти.

— Такъ, такъ, — киваетъ головой старикъ, — македонцы, христіане.

Я смотрю въ сторону, въ надеждѣ увидѣть Ленку. Она и впрямь бѣжитъ, только ножонки сверкаютъ, а близко не подходитъ. Этакая дѣвчечочка...

Ушелъ старикъ. Уѣзжаемъ и мы.

Есть такія деревушки въ далекой Африкѣ. Съ незапамятныхъ временъ пришли туда чуждые роды и живутъ своей особенной жизнью среди компактной однородной массы населенія. Говорятъ на своемъ особенномъ языкѣ. Когда они пришли туда? Во времена Рима, а, можетъ быть, и раньше.

Здѣсь то же самое. Мощныя волны человѣческихъ потоковъ неслись по этимъ горамъ и долинамъ Македоніи, ихъ осадки образовали новую національность, и живетъ она своей особенной ужасной жизнью. Нынче турокъ, завтра сербъ, грекъ, болгаринъ... И пишутся томы изслѣдованій, льются рѣки крови, ревутъ вокругъ ураганы страстей. И всякъ твердить: македонецъ, это—грекъ, македонецъ, это—болгаринъ, македонецъ, это—сербъ.

А старикъ въ фіолетовыхъ горахъ у бѣлой церкви по-турецки отвѣчаетъ:

— Мы—македонцы - христіане.

Правъ ли онъ? А македонцы-мусульмане? Навѣрное, и среди нихъ найдется не одинъ старикъ, который на проклятый вопросъ отвѣтитъ, покорно сгибая голову, на болгарскомъ или сербскомъ языкѣ:

— Мы—македонцы, македонцы - мусульмане.

Вдали—небольшая усадьба. Сакля, огородъ,—ни забора, ни деревца. Два грека ѣдятъ изъ таза вареную капусту. Черная кошечка, рыженькая собачка вьются, увиваются вокругъ. Отставили свой тазъ, медленно утерлись рукавами, медленно заговорили. А кошечка вѣжливо сунула рыльце въ тазъ. Поѣла, поѣла и уступила собачкѣ. Такъ вся усадьба изъ одной посуды одной пищей живетъ. Два грека, рыжая собачка и черненькая кошечка. Свистить свирѣль. Кружить орель. И тихо кругомъ.

Грекъ осуждаетъ свое правительство.

— Нехорошо,—говоритъ онъ,—бросили серба въ бѣдѣ. Когда два друга въ счастіѣ,—нехорошо измѣнять въ бѣдѣ. Вѣрно я говорю?

— Такъ, такъ,—киваетъ другой.—Нынче пушки слышнѣе, вонъ оттуда. Съ той стороны, съ которой сербы въ томъ году вошли въ Солумъ.

Солумъ, это—Салоники.

Вѣрно, въ двѣнадцатомъ году сербы вошли съ одной стороны, греки—съ другой, болгары—съ третьей. А теперь, черезъ три года всего, снова сошлись въ Солумѣ балканскіе народы. Голодные толпы сербскихъ бѣглецовъ, греческія мобилизованныя войска, — не разобратъ, противъ кого они мобилизованы, — болгарскіе торжествующіе шпіоны и агенты. И кажется мнѣ, усмѣхается чинъ турецкаго консульства, что повстрѣчался вчера въ улицахъ Салоникъ съ оттоманскимъ гербомъ на фескѣ. Правда и то, что маленькій турчонокъ закричалъ по дорогѣ «Vive la France» и привѣтливая скользила улыбка на устахъ важныхъ ханумъ въ узкомъ переулочкѣ подлѣ бѣлой мечети.

Разбрелись, во всѣ стороны, сшиблись въ кровавой схваткѣ вчерашніе друзья. Погромыхиваютъ пушки. Правѣ блеснуть Вардаръ. Свѣтитъ солнце. А въ деревушкѣ среди фіолетовыхъ горъ старикъ съ тоской, навѣрное, думаетъ:

«И кѣмъ мнѣ придется быть завтра?».

Въ туманѣ.

Греки, сербы, болгары, нѣмцы, французы, турки, англичане, итальянцы, австрійцы,—вся интернаціональная гамма уже бьющихся или готовыхъ примкнуть къ бьющимся народовъ совершенно мирно уживается въ Салоникахъ. Продаетъ и покупаетъ, наводняетъ улицы, магазины, кафэ и кинемо-театры, смѣется, разговариваетъ, словно никогда и нигдѣ не гремѣла канонада, словно въ безумномъ ожесточеніи не дрались между собой ея солдаты.

Правда, это самое мирное сожительство создано войной и войною же держится,—изъ-за войны понаѣхало сюда столько всякаго народа. Тѣмъ не менѣ люди другъ другу въ горло не вгрызаются.

И странно, что какой-то условный законъ нейтралитета, мѣшающій взаимоистребленію здѣсь, безсиленъ въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ.

Ходишь по улицамъ, улочкамъ, переулкамъ, по новымъ и старымъ кварталамъ и все не можешь примириться съ мыслью, что это—наши враги.

Особенно турки.

Они къ вамъ благожелательны и честнѣе всѣхъ прочихъ. Маленькіе турчата нерѣдко бойко говорятъ по-французски,—результатъ пропаганды французскихъ католической и свѣтской миссій,—старые съ видимой ла-

ской привѣтствуютъ васъ. И выгодно отличаются отъ всѣхъ прочихъ вѣжливостью, полной благороднаго достоинства.

Зашель въ восточную молочную. Попросилъ каймака. Каймакъ густой, вкусный... А потомъ широколицый, добродушный молодой турокъ спрашиваетъ:

— Франкъ?

— Нѣтъ, русскій.

— А, русскій, очень хорошо, очень пріятно.—И прикладываетъ руку къ сердцу, и широко улыбается, и даетъ лишняго каймаку. Что ему высокая политика, и война, и ненависть?..

Туманнымъ зимнимъ утромъ бросили мы нашъ лагерь у Зейтанлика, что раскинулся на холмѣ, надъ моремъ, и пошли къ сѣверу, гдѣ гремятъ пушки.

Да какая же это бѣдная страна!..

Туманъ холодный, густой и липкій, мокрая дорога и ничего по сторонамъ. Ни полей, ни рощъ, ни деревьевъ. Рѣдко жилье, да и то въ развалинахъ.

Только англійскіе безконечные обозы, батареи и полки неожиданно выплываютъ изъ тумана. Выплываютъ и вновь исчезаютъ.

Подошли къ Галико. На немъ—новенькій мостъ, а у моста англичане запрудили рѣку, поставили насосы и качаютъ воду. Строятъ дороги, строятъ дома.

Какъ должно поражать бѣдныхъ крестьянъ этой бѣдной страны несчетное богатство западныхъ народовъ, пославшихъ сюда свои войска. Особенно англійское богатство. Всѣ эти роскошные мулы и лошади, сбруя, экипировка, автомобили, фургоны, продовольствіе.

Свернули вправо отъ рѣки и пошли безотрадной степью. Туманъ опустился настоящей завѣсой, ничего не видно вокругъ. Только узкая не то дорога, не то тропа. Писть,—какъ называютъ ее французы. Вьется писть сквозь туманъ, ведетъ насъ къ сѣверу. Идутъ кони,

пристально глядимъ мы по сторонамъ, чтобы не сбиться. А карта такая, что довѣриться нельзя. И запутались-таки, но быстро вышли на свой пистъ.

... Разбита деревня, сожжена до тла. Только три—четыре бѣдныхъ сакли уцѣлѣли. Стали въ одной изъ нихъ на ночлегъ. Въ большемъ дворѣ привязали коней, въ амбарѣ помѣстили егерей, а сами устроились въ саклѣ. Черная, закоптѣлая, голыя стѣны, убогій очагъ и двѣ жалкихъ кровати. Хозяинъ—пожилой грекъ. Смотритъ на насъ, предлагаетъ свой домъ. Сидитъ у огня важный, въ каракулевой шапкѣ, въ очкахъ, смотритъ и думаетъ. И кажется, что всю свою жизнь не выходилъ онъ изъ этихъ безотрадныхъ полей.

Какъ бы не такъ! У него сынъ въ Женевѣ учится, онъ живетъ въ собственномъ домѣ въ Салоникахъ, и во всѣхъ балканскихъ столицахъ онъ—свой человѣкъ. На всѣхъ языкахъ балканскихъ говорить.

Обрадовался, что говорю я по-русски, что понимаю по-македонски. И заговорилъ, затарахтѣлъ безъ конца. Ему, вишь ты, шестьдесятъ пять лѣтъ. Занимался торговлей и теперь сюда пріѣзжаетъ торговать. А деревня вся ему принадлежитъ.

— Ты пойми,—толкуетъ онъ мнѣ,—я здѣсь генералъ. Твой генералъ набольшій надъ войскомъ, а я генералъ надъ округой.

— Хорошо, а какъ ты попалъ сюда?

— Какъ? А какъ греки деревню пожгли, деревня-то была болгарская, я и пришелъ сюда. Все мнѣ теперь принадлежитъ...

Заходятъ странные люди. Покупаютъ у стараго соль. Крикъ, ругань,—все ему мало.

А потомъ вышелъ на дворъ и затѣялъ перебранку съ молодой.

— Безстыдница, — кричитъ ей, — пошла, пошла отсюда.

— Цыганка,—объясняетъ онъ мнѣ,—здѣсь теперь нѣсколько домовъ цыганъ живетъ. Все мои люди.

— Магометъ, — останавливаетъ онъ молодого, гибкаго турка. — Магометъ, что такъ шляешься безъ дѣла?

Магометъ скалитъ зубы, проситъ у меня папироску.

— Дезертиръ турецкій, — говоритъ старикъ, — хороший человѣкъ.

Входимъ въ саклю, въ «кучу» — по-македонски. Нашъ поваръ Демуль, служившій въ отелѣ Терминусъ, готовить на очагѣ обѣдъ. А помогаетъ ему старый турокъ. Старый, красивый, какъ красива старая картина. Гордый профиль, горящія очи, благородный, важный, молчаливый. Турокъ вертитъ вертелъ; причудливо смѣшались въ полумракѣ надвигающагося вечера надъ очагомъ двѣ фигуры, — молодого Демуля и стараго турка. Смѣшались и ихъ фески. Обѣ одинаковыя, только егеря безъ тюбана:

— Человѣческая комедія, — вздыхаетъ генераль, созерцая эту мирную картину.

— Добаръ чѣвекъ, не слуга, другъ, — показываетъ на турка грекъ. — Честенъ чѣвекъ.

А на утро другъ на данный нами бакшишъ купилъ у грека патроны и пошелъ на охоту. Только долго спорилъ и кричалъ — надулъ его грекъ.

Снова туманъ, еще гуще, еще липче, еще непрогляднѣе. Рѣдко попадется по дорогѣ сожженная деревушка. Тутъ всѣ деревушки спалены. Въ этой округѣ ихъ жгли греки, потому что населеніе было болгарское; въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, то же самое дѣлали болгары съ греческими жителями, въ третьихъ — сербы, въ четвертыхъ — турки... Только и добились македонцы, что всеобщаго разоренія. Запустѣли поля, поросли травой развалины, замерла жизнь...

— Освободительная война, — вздыхаютъ жители. —

Освободительная,—все сожжено, все разбито, все согнано. Подъ туркомъ лучше было...

Вьется тропа безъ конца, узкой грязной лентой. Трудно здѣсь пройти обозу и артиллеріи. Слышнѣе греметь пушки.

Догоняють насъ въ туманѣ наши два велосипедиста, Кальве и Фернуксъ.

— Гдѣ вы пропадали, друзья?

— Заблудились вчера, лейтенантъ, отстали въ дорогѣ.

— Гдѣ же вы ночевали?

— А у турка одного. Чудной турокъ. На стѣнѣ—три карабина, на самомъ—револьверъ. Но только челоуѣкъ славный. Накормилъ, уложилъ, а самъ всю ночь у огня сидѣлъ съ ружьемъ въ рукахъ. Видно, насъ оберегалъ.

И не хочется вѣрить, что гдѣ-то тамъ, въ Малой Азіи, такіе же славные, хорошіе люди рѣжутъ, жгутъ беззащитное армянское населеніе, уничтожаютъ цѣлый народъ. Не хочется вѣрить, но знаешь, что это правда. Странно все на бѣломъ свѣтѣ дѣлается...

Тѣ же пустыя долины, окутанныя туманомъ, тѣ же развалины, тотъ же туманъ. Вдругъ выплываетъ изъ тумана стадо барановъ, курчавыхъ, покорныхъ, съ высокимъ пастухомъ. Заговоришь съ нимъ,—отвѣчаетъ по-болгарски, по-македоно-болгарски. Да на поворотѣ дороги встанетъ арабской аркой восточный фонтанъ съ надписью изъ Корана. Кони жадно пьютъ воду, полощутъ ноздри, и снова въ путь.

И снова сбились въ туманѣ. Компасъ показываетъ сѣверъ направо. Взяли направо. Наткнулись на развалины. Надъ горой—сожженная деревня. Внизу журчитъ рѣка, шумитъ мельница.

— Гдѣ мы?—спрашиваю я у чабана.

— Маловцы, братъ, Маловцы тукъ (здѣсь), тамо—водяница (мельница).

Спустились къ рѣкѣ. Разсѣялся туманъ на мгновенье, побѣжали по сторонамъ высокіе берега Джель-Ажака, змѣей извивающагося между ними. Выбрались на косогоръ. Снова туманъ. А пушки гремятъ совсѣмъ - совсѣмъ близко. Кто-то засвистѣлъ въ сторонѣ. Окликнули. Подошелъ грекъ, желѣзнодорожный караульщикъ.

— Покажи, братъ, дорогу въ Чугунцы.

— Да она вотъ, передъ вами.

— Хвала, братъ.